

Дмитрий Галлямов

НА ИЗЛОМЕ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

18+

Дмитрий Галлямов

**НА ИЗЛОМЕ
СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ**

«Автор»

2026

Галлямов Д.

**НА ИЗЛОМЕ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ / Д. Галлямов —
«Автор», 2026**

Книга будет основана на реальных событиях. В основе книги лежит идея становления российского бизнеса в начале 90-х годов: первые кооперативы, товарные биржи; перипетии жизни обычных людей, предпринимателей и бандитов. Главный герой проходит через жернова больших денег, начиная свою деятельность с обычного брокера товарной биржи и постепенно вырастая до крупного предпринимателя. Одновременно он ведет расследование убийства своих родных.

© Галлямов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Галлямов

НА ИЗЛОМЕ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава 1

В августе 1991 года Максим, молодой человек на вид не старше двадцати — двадцати двух лет, среднего роста, темноволосый, но не брнет, широкоплечий, с короткой стрижкой, сидел на старой металлической кровати, обложенный книгами и тетрадами.

Крошечная комнатка общежития, в которой проживал Максим, была не больше двенадцати квадратных метров, с зелёными обоями, когда-то придававшими этому помещению уют. Теперь эти истерзанные временем обои — обшарпанные, потрёпанные, с тёмными пятнами от убитых недавно комаров — были престарелыми свидетелями бурной студенческой жизни.

Посредине дальней стены зияло большое окно без штор. Дневной свет, пробиваясь сквозь пыльное стекло, ложился косыми лучами на дощатый пол, покрытый тёмно-коричневой краской, местами облупившейся до дерева.

Комната находилась на пятом этаже общежития — последнем, самом верхнем. Эти помещения, как правило, сначала выделяли абитуриентам на время вступительных экзаменов, а после зачисления — первокурсникам. Здесь они проводили свой первый и самый трудный год в университете.

Такие комнаты были похожи на проходные дворы. Здесь то и дело менялись люди, вспыхивала и умирала любовь, фейерверки счастья сменялись личными трагедиями. Неизменно было только одно — зелёные обои.

После окончания первого курса студенты переезжали этажом ниже — в более ухоженные помещения. Перед новыми вступительными экзаменами в комнату заселяли очередную партию абитуриентов.

Максим уже четвёртый час внимательно вчитывался в толстую тёмно-синюю тетрадь с сочинениями, готовясь к сдаче экзамена в университет на юридический факультет. Завтра должен был состояться его первый экзамен по русскому языку и литературе, ему предстояло написать сочинение. От перенапряжения в голове появился лёгкий шум, глаза слегка слипались, чувство волнения с каждым часом только усиливалось. В сознании начала всплывать картина неудачной сдачи экзамена в прошлом году, когда он только пришёл из армии.

События годичной давности.

В тот день экзамена утром он с двумя такими же, как он, абитуриентами вышел из такой же комнаты, находившейся примерно в пятнадцати метрах от той, которую он занимал сейчас. Дойдя до лестницы, он вдруг вспомнил, что оставил паспорт.

— Так, кажется, забыл паспорт, придётся вернуться, — шаря по своим карманам, спокойно произнёс Максим.

— Ещё есть время, не торопись, мы тебя здесь подождём, — с каким-то сожалением и настороженностью проговорил его сосед по комнате Олег. У него в этот момент промелькнула мысль: «Возвращаться — очень плохая примета, но без паспорта Максима всё равно не пустят», — поэтому он решил вслух этого не говорить, чтобы не нагнетать и без того волнительную ситуацию.

Когда Максим зашёл в комнату, он увидел на тумбочке паспорт и свои сочинения, отпечатанные на фотобумаге, аккуратно разрезанные, наклеенные на бумагу и сложенные в «гармошку». По этим сочинениям, а у него их было не меньше пятидесяти штук, он готовился к экзамену.

«Возьму на всякий случай сочинения по произведениям Льва Николаевича Толстого: вдруг трудная тема попадётся, а из нескольких сочинений что-нибудь да напишу», — подумал Максим, даже толком не понимая, для чего они ему, ведь произведения Толстого он неплохо знал и мог спокойно написать любое сочинение из школьной программы.

Экзамен по русскому языку и литературе проводился в университетской библиотеке на третьем этаже. Просторный зал с высокими потолками и широкими окнами наполнял всё пространство воздухом и светом. Возле окон стояли большие горшки с гигантскими комнатными растениями, их пышные листья слегка покачивались от лёгкого сквозняка. Рядами находились старые, но ещё очень добротные столы: полированная древесина слегка потёрлась от времени, но сохранила благородный блеск. Обстановка казалась одновременно торжественной и напряжённой — как перед грозой. Каждый абитуриент сидел отдельно. Правила приёма экзамена были очень жёсткими: абитуриент при себе должен иметь только ручки и паспорт.

Преподаватели объявили темы сочинений. Максим, как ни странно, был очень спокоен: хорошая подготовка вселяла в него уверенность. Тогда он выбрал тему по произведению Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Мысли сложились быстро, и Максим мгновенно набросал черновик. Проверил, выправил пару фраз и начал аккуратно переписывать на чистовик.

Тишину зала нарушало лишь шуршание бумаги и скрип стульев. Максим склонился над листом, сосредоточенно выводя буквы. Вдруг краем глаза он заметил движение: к нему подошла преподаватель, следившая за порядком. Она остановилась, наклонилась и подняла с пола фотокопию, которую он утром прихватил с собой просто на всякий случай — «для уверенности».

Она развернула «гармошку» и пробежала глазами по строчкам. Секунды тянулись, как часы. Напряжение нарастало. Он почувствовал, как ладони стали влажными и липкими, а на лбу выступили капельки пота. Через минуту раздался её металлический, бесстрастный голос: — Собирайтесь, на выход. Вы пользуетесь шпаргалками, а это недопустимо.

Слова прозвучали словно раскат грома. В зале повисла тишина. Максим поднял глаза — десятки взглядов абитуриентов, в том числе его соседей по комнате, замерли на нём. Кто-то отложил ручку, кто-то затаил дыхание. Он лихорадочно стал подбирать слова, понимая, что от этого зависит его дальнейшая судьба.

— Это не моя шпаргалка, я ей не пользовался, — пытаюсь справиться с волнением, произнёс Максим слегка дрожащим голосом.

— Я видела, как она выпала из вашего кармана! — отрезала преподаватель.

— У меня совсем другая тема, — настаивал Максим, — я не пользовался шпаргалкой, я пишу сочинение по произведению Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

В этот момент он хорошо чувствовал, что его мечта может навсегда остаться только его мечтой.

В зале по-прежнему стояла тишина. Казалось, даже часы на стене перестали тикать.

— Это неважно, — холодно повторила преподаватель. — Мы всех предупреждали: за шпаргалки вы лишаетесь права дальнейшей сдачи экзаменов. Пройдёте к председателю комиссии — пусть он примет решение, что с вами делать.

Максим медленно поднялся, с трудом передвигая ноги, — они будто налились свинцом и отказывались слушаться. Каждое движение давалось с усилием, словно невидимая сила тянула его назад. Он оглянулся на соседей — в их глазах читалось горькое недоумение.

Сейчас ему казалось, что в этом зале нет человека, который так же страстно, как он, хотел поступить в университет и учиться. «Почему такая несправедливость!» — невольно мелькнула мысль в голове Максима.

Максим вышел вместе со строгой преподавательницей на улицу, направившись в сторону университета. В левом крыле главного здания располагалась приёмная комиссия. В этот день

была приятная солнечная погода, он даже слегка прищурился, чтобы как-то приспособиться к яркому свету, но внутри всё кипело: волнение наполняло каждую клеточку, сейчас из-за глупой оплошности должна решиться его судьба. Он немного отстал от преподавателя, залез в карман, сжал в кулак свои сочинения и, когда сравнялся с мусорным баком, выкинул туда всё содержимое кармана.

Максим, пока служил в армии, не переставал готовиться к экзаменам: идея поступить на юридический факультет после службы у него только окрепла. Он считал, что, только работая адвокатом, он достигнет двух желаемых целей: независимости и материального достатка. Под независимостью он понимал свободу принятия решений, самостоятельное планирование работы, отсутствие начальников-самодуров. У него было несколько тетрадей по разным предметам; он ходил в свободное время в библиотеку и там занимался подготовкой. На второй год службы времени стало ещё больше, поэтому почти всё свободное время он использовал для учёбы. К окончанию службы он не только не забыл полученные школьные знания, но и существенно повысил свой образовательный уровень.

Приёмная комиссия находилась в пяти минутах ходьбы от библиотеки. Неспешным шагом Максим и преподаватель подошли к главному зданию университета.

Зайдя в помещение приёмной комиссии, он ощутил прохладу и тонкий аромат свежесваренного кофе. Старые толстые стены университета были немymi свидетелями многих судеб, веками хранили знания, не пропускали сюда жаркий летний день — лишь приглушённый свет пробивался через плотные шторы сквозь высокие узкие окна.

Председатель приёмной комиссии сидел за массивным письменным столом, вчитываясь в какие-то документы. Его седые волосы аккуратно зачёсаны назад, очки сидели на переносице, а пальцы неторопливо перелистывали бумаги. Рядом стояла преподаватель, которая привела Максима, — прямая, как струна, с поджатыми губами. Она сухо, без эмоций, изложила происшедшее.

— Что скажете, абитуриент? — спокойно, даже с каким-то едва уловимым сочувствием, обратился к Максиму председатель комиссии. Его взгляд был внимательным, но не осуждающим.

Максим сделал глубокий вдох. В горле пересохло, ладони всё ещё были влажными.

— Я могу только сказать одно: я ничего не списывал, — произнёс он твёрдо, стараясь, чтобы голос не дрожал, — готов его хоть сейчас заново написать — сочинение на любую тему. Тема, которая была в шпаргалке, — другая. Я писал по произведению Достоевского «Преступление и наказание», а там там что-то по роману Толстого «Война и мир».

Председатель слегка откинулся на спинку кресла, сложил руки домиком.

— Перед началом экзамена мы всех предупреждали: неважно, пользуетесь вы шпаргалками или нет. Само наличие шпаргалки — основание для отстранения от экзамена. Правила едины для всех.

Максим сделал шаг вперёд, сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Прошу, поймите меня, я готовился к экзаменам два года, у меня просто может не быть другого шанса. Я живу в другом городе, я не уверен, что у меня будет возможность приехать ещё раз.

Председатель помолчал, посмотрел куда-то в сторону, словно взвешивая слова.

— Вы тоже поймите, — ответил он мягче, но твёрдо, — мы не можем делать кому-то исключения, тогда сдача экзаменов превратится в балаган. Забирайте документы, приезжайте поступать на следующий год. Если вы действительно хотите учиться, вы обязательно поступите.

Максим постоял ещё несколько секунд, чувствуя, как внутри всё сжимается от горечи, глубоко вздохнул, развернулся и направился к девушкам за соседним столом, которым недавно подавал документы.

Они выдали документы быстро, можно сказать, механически. Максим подписал какую-то бумажку, не глядя, там, где показали. Быстрым шагом, почти не видя дороги перед собой, пошёл к выходу. За спиной остались запах кофе, прохлада старых стен и разбитая мечта, к которой он шёл два долгих года.

Массивная дверь захлопнулась за ним, словно молот ударил по наковальне. Всё кончено.

На улице ярко светило солнце, но до общежития он дошёл почти на автомате, не замечая ничего вокруг: деревья, люди, машины — всё это не имело значения. В голове крутилась только одна мысль: «Как всё глупо получилось, зачем взял с собой эти шпаргалки!» Он не винил ни преподавателя, которая заметила эту фотокопию, ни тем более председателя приёмной комиссии. Максим ясно понимал, что единственный виновный в этом провале — он сам.

Настоящее время.

Постепенно шум в голове стал уходить, вместе с ним и картина старых воспоминаний, сознание прояснилось. Он посмотрел по сторонам, как бы возвращаясь в реальность: перед ним была всё та же убогая обстановка общежития.

В комнате стояло три кровати с натянутой металлической сеткой. Кровати были неряшливо заправлены мятыми покрывалами тёмно-бордового цвета, что придавало обстановке ещё более неуютный вид. Кровати стояли вдоль стен. Две кровати примыкали спинками к подоконнику, третья — сразу за той, что слева. Максим сидел на кровати, расположенной слева у подоконника.

Между кроватями у окна приютился стол на металлических ножках. На нём в хаотичном беспорядке громоздились тетради и книги: раскрытые учебники. Казалось, что страницы вот-вот разлетятся от малейшего сквозняка.

Справа от входа красовалась небольшая тумбочка — её поверхность была почти пуста, лишь пара мелких вещей намекала на присутствие хозяина. Обычно студенты на эту тумбочку ставили электрическую плитку и после окончания первого курса забирали эту плитку с собой в другую комнату. Слева от двери на стене висели шесть крючков для одежды — один слегка погнут. На них висело две лёгкие куртки, которые обычно носят холодным летом.

Придя немного в себя после неприятных воспоминаний, Максим глубоко вздохнул и продолжил читать свою тетрадь. В этот раз он ещё серьёзнее подошёл к подготовке к экзаменам. Договорился с репетиторами по английскому языку, а также по русскому языку и литературе и практически целый год готовился, но решил поступать на заочное отделение, чтобы не сидеть на шее у родителей.

Родители с пониманием отнеслись к стремлению Максима получить образование, поэтому не стали настаивать, чтобы он устроился на работу после возвращения из армии. Более того, по настоянию отца мать выделила из небогатого бюджета деньги на репетиторов.

Тишину в комнате нарушил скрип двери. В комнату вошёл воодушевлённый высокий светловолосый молодой человек с голубыми глазами, не старше восемнадцати лет.

— Макс! Поздравь меня: сегодня я за полчаса десять тысяч заработал! За долги пригнали кран, он нам не нужен. Я посидел полчаса на телефоне, обзвонил семь потенциальных клиентов, накинул на него десятку — один из них захотел его купить. Завтра брат договор подпишет, деньги получим — можно будет отметить! А самое прикольное: я не только хорошо поработал, но ещё и нашу новую секретаршу оприходовал! Задница у неё как на плакате у красавицы «Здоровы образ жизни», словно две спелые дыни, аккуратные округлые. Грудь не обхватишь ладонью. День у меня сегодня на редкость удачный!

Денис был таким же абитуриентом, но особо не напрягался — надеялся на свои школьные знания. Он полтора месяца назад закончил школу, приехал из Бухары поступать в университет. Его брат два года назад получил диплом в политехническом институте по строительной специальности, но на госпредприятие не пошёл, а открыл со своими друзьями строительный кооператив. Как только Денису исполнилось восемнадцать лет, его тоже включили в члены

кооператива. Для учредителей кооператива было важно, чтобы членами были только близкие родственники или друзья, поскольку все важные решения принимались членами кооператива большинством голосов.

— Поздравляю, Денис. Если учесть, что сейчас средняя зарплата — 500 рублей в месяц, то это очень хорошие деньги. Кстати, ты помнишь, что завтра экзамен? Мы сочинение пишем в универе.

— Конечно! Я уже готов, думаю, что-нибудь напишу на свободную тему. А ты всё готовишься?

— Да, повторяю. Надеюсь, всё получится. Ведь ещё одного шанса у меня может не быть! Мать не даст больше денег на дорогу, тем более на репетиторов.

— Ладно, расслабься, давай лучше по пивку — я взял по дороге пару бутылок.

— Нет, Денис, я не буду. Если сдадим хорошо экзамены, можно и отметить будет. Я лучше себе чайку заварю!

Снова дверь заскрипела и загромыкала — в комнату зашёл третий жилец, его звали Борис. Он был таким же абитуриентом, как и остальные — окончил школу в этом году. Борис только что пообедал в столовой общежития и вернулся обратно.

— Боря, пиво будешь?

— Наливай, — не раздумывая, ответил Борис.

Денис взял бутылку пива, крышку зацепил за каркас кровати, на который крепили металлическую сетку, и слегка ударил по ней сверху рукой. Бутылка зашипела, а крышка отлетела в сторону. Таким же образом он открыл и вторую бутылку. Разлив пиво, он продолжил разговор.

— Если не поступлю, сильно переживать не буду — продолжу работать у брата в кооперативе. Это всё равно гораздо выгоднее, чем на любом предприятии горбатиться.

— Правда, придётся на месяц съездить в Бухару, — добавил он, сделав глоток, — машину на учёт поставить. Я на весенних каникулах был у брата: мы бартерную сделку провернули с «АвтоВАЗом». Всем сотрудникам кооператива досталось по новой «восьмёрке». Он мне тоже машину выделил, но менты на учёт отказались ставить, пока восемнадцать лет не исполнится, а мне как раз месяц назад восемнадцать исполнилось.

— Так ты что, в восемь лет в школу пошёл? — удивился Борис. — Получается, ты на год меня старше.

— Я в школу пошёл на год позже по состоянию здоровья, мне операцию делали, поэтому год пропустил. Десять классов закончил в этом году.

— Если не поступишь, осенью в армию загремишь, — включился в разговор Максим.

— Это вряд ли. У моего отца знакомый военком, договоримся с ним. В армию идти — только время зря терять. Там сейчас полный бардак, да и ты без меня это лучше знаешь. Сам год назад пришёл.

Максим весной 1990 года пришёл из армии, тогда и пытался первый раз поступить в этот университет. О своей службе он часто рассказывал друзьям, в этот раз тоже охотно поддержал разговор.

— Я не в Союзе служил, в ГДР. Западная группа войск называется, — продолжил разговор Максим.

— Как тебе там служба была? — с нескрываемым любопытством обратился Денис.

— Особого бардака у нас не было, всё-таки за граница, поддерживали дисциплину. Кормили, правда, последнее время плохо, мне эта перловка и солёная рыба до сих пор снится. Прикиньте, пацаны, давали рыбу и сало 60–70-х годов засола. Мало того, что на вкус это просто кусок соли, так эта рыба ещё вонючая: чтобы её можно было хоть как-то есть, повара должны её сутки вымачивать, периодически менять воду, но добросовестные повара попадались редко, поэтому эту гадость слегка обжаривали и подавали на стол. Молодые солдаты с голодухи даже это ели.

— Как же вы там служили в таких условиях? — удивился Борис.

— На самом деле всё не так страшно, никто с голоду не умер. Эту рыбу давали два-три раза в неделю, по воскресеньям делали маленькие котлеты из свинины, а так свинину резали кусочками, тушили с какой-нибудь крупой. Это было можно есть. С белым хлебом тоже проблемы, давали по одному кусочку толщиной примерно один сантиметр.

— В магазин или в кафе вы могли пойти? — продолжил расспрос Денис.

— Только на территории части в чайную. Мы её называли «чапок», чайная была хорошая, много всякой выпечки, пять-шесть сортов колбасы, копчёностей всяких, много разных конфет и напитков. Когда я приехал из Союза в нашу часть, у меня глаза разбегались: в сравнении с СССР, где почти всё уже было по талонам, это был продуктовый рай.

— Даже очередей не было? — продолжал удивляться Борис.

— Конечно нет.

— Непонятно, тогда зачем они эту стену так отчаянно в Берлине рушили? — недоумевал Борис.

— Для многих молодых солдат чайная была недоступна: денежное довольствие — 25 марок, на которые нужно было купить зубную пасту, материал для воротничков, крем для обуви, мыло, лезвия. В общем, оставалась небольшая сумма.

— Что, совсем все без денег были? — искренне удивился Денис.

Деньги были у тех, кто мог что-то продать местным или через отпускников, которые привозили советские деньги, и мы их меняли по неофициальному курсу: за один рубль давали две марки. Отпускники могли поменять по курсу один к трем, только примерно рублей сорок. У меня деньги были, мне привозили отпускники, я их менял по курсу один к двум. Если кому-то высылали деньги в письмах, старшина их забирал — это было официально запрещено, поэтому была надежда только на отпускников. Родители высылали деньги срочным переводом по почте, а они уже привозили нам. Были, конечно, гнилые отпускники. Один из Эстонии назанимал денег у солдат, потом получил деньги переводом от моих родителей, сумку мою новую взял, а сам так из отпуска не вернулся. Я ему и его матери письма писал, чтобы деньги и сумку отправили по почте ко мне домой, но все бесполезно. Прибалтика уже тогда была настроена на отделение от СССР.

— Как тебе немки, горячие? — с улыбкой до ушей, подмигнув правым глазом, спросил Денис.

— Увольнительных не было, связь с родными — только через письма, посылки, и деньги, как я уже говорил, тоже нельзя было пересылать. Наверно, на зоне и то режим мягче, чем служба в ЗГВ. Были счастливички, которые ездили в отпуск, но таких было мало. Мне еще повезло, вся служба в спортзале прошла: когда узнали, что я КМС по самбо, позвали тренировать детей офицеров.

— Ты КМС по самбо? — удивился Борис. — Приемчик покажешь?

— Покажу, но только для тебя все равно пользы не будет, технику борьбы годами отрабатывают.

Неспешный разговор абитуриентов нарушил стук в дверь, но неожиданный гость не стал дожидаться, когда откроют, и сразу вошел в комнату. Это была комендант общежития Мария Николаевна. На вид ей было не больше 45–50 лет, слегка полная женщина, но не толстая, с каштановыми волосами — такой цвет обычно получался после окраски хной. Она пристальным взглядом, как у милиционера, посмотрела на нас, держа какую-то бумажку в руках.

— Кто из вас Чернышев Максим?

— Я, Чернышев, — спокойным голосом ответил Максим.

— Мне нужно с вами поговорить, давайте выйдем в коридор.

Такая строгость и серьезность немного насторожили Максима. Порядок он не нарушал, только готовился к сдаче экзаменов, претензий со стороны коменданта не должно было быть. «Почему такая секретность, что случилось?» — подумал Максим.

Они подошли к окну возле лестничной площадки. Мария Николаевна сочувственно посмотрела на Максима.

— Возьми, это тебе, только что пришла телеграмма, — протянула руку Максиму с той самой бумажкой, с которой она зашла в комнату.

Максим стал вчитываться в содержание телеграммы, хотя там была всего одна строчка:

«Сегодня покушались на жизнь отца, он в тяжелом состоянии, срочно приезжай. Андрей».

Максим снова и снова читал её содержимое, как бы пытаясь убедить себя, что все, что там написано — неправда, или он неправильно понял суть. Но как-то по-другому понять её текст было нельзя: его брат Андрей все написал максимально лаконично и точно.

— Держись, — сочувственно произнесла Мария Николаевна. — Если сегодня решишь ехать, я до двадцати часов буду у себя в кабинете, приноси постель — я оформлю выезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.